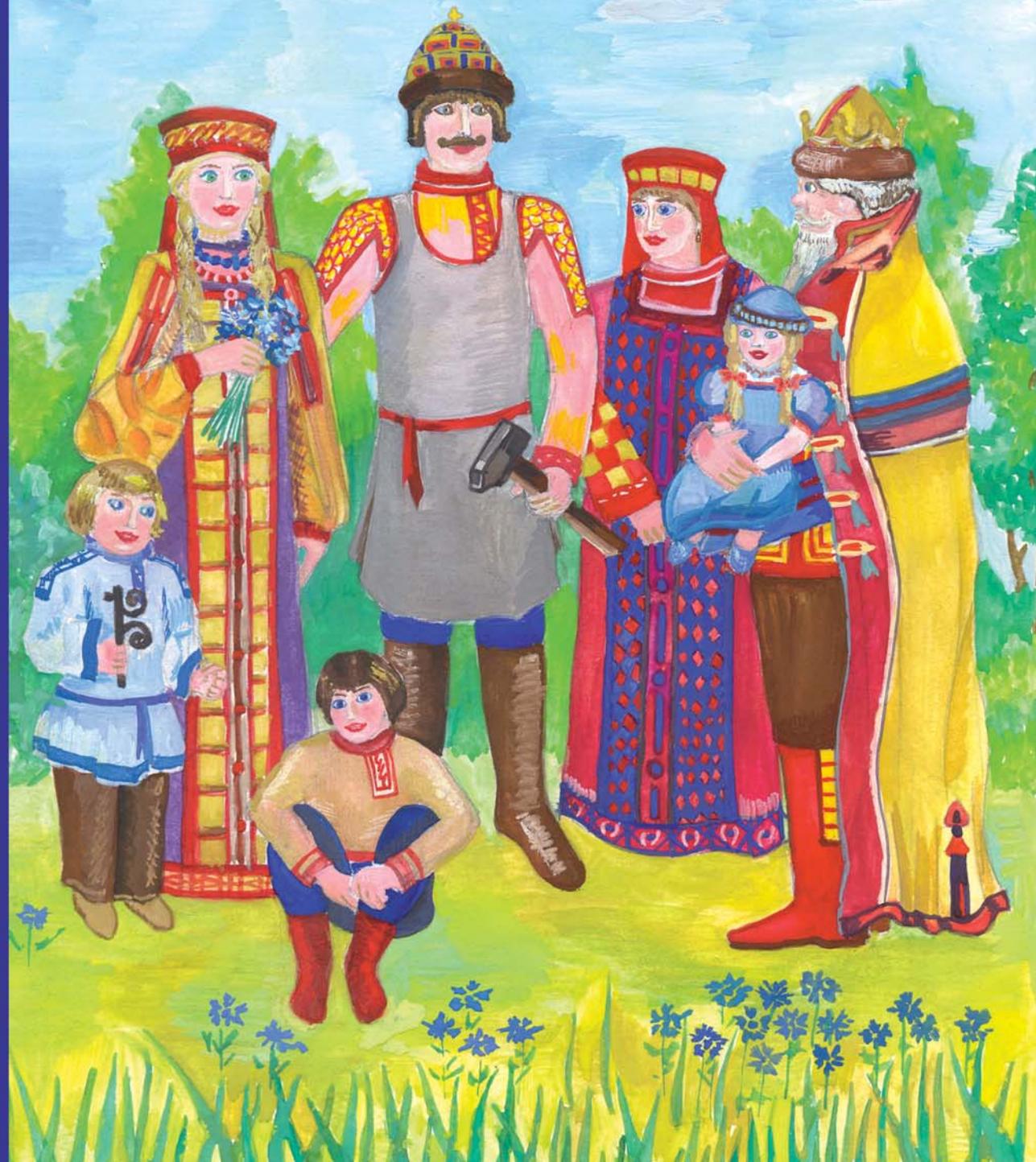

Елена Борова

Сказки няни Пушкина

Елена Борова

Сказки няни Пушкина

*Сказки в стихах для детей и взрослых
по мотивам сказок Арины Родионовны Яковлевой*

Москва

2012

УДК 82–1
ББК 84(2Рос=Рус) 5
Е 30

Егорова Е.Н. Сказки няни Пушкина. — Москва: Московская областная организация Союза писателей России (литературное объединение «Угреша»); Дзержинский: ДМУП «Информационный центр»; Большое Болдино: Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»; Большие Вязёмы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2012. — 40 с., ил.

Все знают, что няня Арина Родионовна Яковлева рассказывала сказки Александру Пушкину, когда он был ребёнком. Но далеко не всем известно, что великий поэт снова слушал нянины сказки во время ссылки в сельце Михайловском в декабре 1824 года и кратко записал их. Из семи записей четыре Пушкин использовал сам, когда сочинял «Сказку о царе Салтане», «Сказку о мёртвой царевне», «Сказку о попе и работнике его Балде» и знаменитый пролог к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зелёный...»). Один сюжет поэт подарил своему другу поэту Василию Жуковскому, который на его основе написал «Сказку о царе Берендее».

Две записи нянинных сказок, которые публикуются в академических собраниях сочинений за номерами 5 и 6, так и остались неиспользованными. Именно они привлекли внимание пушкиноведа и поэтессы, члена Союза писателей России Елены Николаевны Егоровой. Её сказки в стихах, написанные на основе этих сюжетов няни Пушкина, адресованы детям от 8 лет и взрослым. Стилизация в духе поэзии пушкинского времени поможет читателям живее почувствовать атмосферу той эпохи, когда великий поэт слушал сказки из уст няни. Сюжеты переработаны и дополнены автором примерно в той же степени, как это делал сам Пушкин, сочиняя свои знаменитые сказки.

Оригинальные иллюстрации к обложке и виньетки нарисовала талантливая юная москвичка Анастасия Шухова.

Попечители проекта: Конюшевский А.В. (ЗАО «Фора»), Жук В.П. (ООО «Торговый двор»), Чичин С.Л. (ООО «Серверк»), Агили А.А. (ООО «Сокол на Угрешской»), Зимин А.В. (ООО «Спецтехсервис»), Лебедев Ю.А. (ООО «Неон»), Карпинский О.Ю. (ООО «Кантро»), Романов А.С. (ООО «Инфосервис»), Ерастов Г.И. (ТД «Нефтьмагистраль»), Шувалов И.Е. (ЦСКП «Северо-Запад»), Жулин Ю.А. (Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»), Рязанов А.М. (ГИЛИМЗ А.С. Пушкина, с. Большие Вязёмы).

ISBN 978–5–900999–71–5

- © Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2012
- © Шухова А.В., иллюстрации, 2012
- © Литобъединение «Угреша» Московской областной организации СП России, 2012
- © ДМУП «Информационный центр», 2012
- © Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2012
- © Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2012

СВЯТОЧНЫЕ СКАЗКИ

Арины Родионовны

Зажигает няня свечки,
Дети жмутся возле печки,
Сказок, обмирая, ждут.
По углам таится жуть —
Тёмны вечера на Святки,
Лишь у образов лампадки
Лик Господень освещают.
Няня сказку начинает:

«У одной крестьянки было
Два сынка. Старшой,
Данила,
И послушен, и умён,
Батюшке в хозяйстве он
Помогает день-деньской.
А Ванюша, сын меньшей,
Баловник, проказник,
неслух,
Ни минуточки на месте
Никогда не посидит,
Всё резвится и шалит.
Раз, проснувшись
спозаранку,
Тесто ставила крестьянка.
Надо же такому быть:
Чтоб за хвост кота схватить,
Мимо пробежал сынок,
Опрокинул ей горшок.
Мать не в шутку осерчала,
И вдогон ему вскричала:
«Что наделал, посмотри!
Ах! лукавый побери!»
Только это мать сказала,

Глядь — мальчика как
не бывало.

Не поверила глазам,
Ищет сына по углам.
Нет нигде!

Вдруг слышит: в бане
Будто громко плачет Ваня.
Мать, отчаянно крестясь,
«Да воскреснет Бог...» —

молясь,
К бане кинулась. Там нет!
Сорванца простыл и след.
Снова слышит: не иначе,
В риге горько Ваня плачет.
И она бежит туда.
Слышит: плачет у пруда.
Мать взмолилась всей

душой:
«Господи, где мальчик мой?
Ты прости мне согрешенье,
Не лишай нас утешенья,
Дитяtko моё спаси!»
Мать не устаёт просить,
До земли поклоны бьёт,
На челе холодный пот,
Дух не смеет перевесть...
Глядь — её малютка здесь!
Перепуган мальчик сильно:
«Матушка, меня носило
В баню, в ригу и к пруду,
Я боялся, упаду.
А кругом огни-огни,
Много их, страшны они —

Бесов злобные глазищи —
И за мною так и рыщут.
Вдруг огни потухли враз —
Добрый ангел меня спас,
Голубком слетел с небес,
Чудную запел мне песнь
И поставил пред тобою».
Принялась дитя родное
В радости великой мать
Обнимать и целовать,
Благодарно воздавать
Господу хвалу и славу.
Зареклась с тех пор лукавых
Поминать она — ни-ни!
Дружно всей семьёй они
Стали жить да поживать...
Детки, вам пора уж спать».

Ухнул филин за окошком,
Под столом шмыгнула кошка.
Громко свиристит сверчок.
«Няня, расскажи ещё, —
Просит Саша. — Ради Бога!
Ты ведь сказок знаешь
много».

«Расскажу, но вы в кровати
Лягте...

Было то на Святки.
Красно солнышко зашло,
Веселилось всё село,
Жирно кушали и сладко,
Пели девицы колядки,
Всюду игрища, гулянья
И подблюдные гаданья.
В ночь, под мухую слегка,
Молодых три мужика
В крайний дом зашли пустой.
А один-то — холостой —
Ради смеха стал хвалиться,
Что ничуть не побоится
У нечистого просить
В эту ночь его женить,

Не могли никак унять.
«Бес! — кричит, — жени меня!»
Грудь вперёд,
расправил плечи...
Глядь — выходит из-за печи
Сам нечистый под хмельком,
Блеет тонким голоском:
«Так и быть, тебя женю,
Но не сетуй на родню!»
Ухмыльнулся и исчез он.
Перепуганный повеса
К лавке будто бы прилип.
Вдруг услышал
горький всхлип

И не может надивиться:
Плачет красная девица,
На щеке горит слеза.
«Ой ты, девица-краса, —
Говорит он, любя, —
Не обижу я тебя.
Расскажи, что приключилось,
Как со мной ты очутилась?»
Молвит девица, вздыхая:
«Матушка моя родная
И любимый мой отец
Приказали под венец
С женихом идти богатым,
Старым, лысым, бородатым.
До чего он мне не люб,
Безобразен, толст и скуп!
Не пошла я, и меня
Прокляла тогда родня.
Только крикнули проклятье,
Как меня в фате и платье
Вихрь огнями закрутил
И на лавку опустил
В эту избу против вас.
Вот и весь печальный сказ».
«Ой ты, милая дивчина,
Позабудь тоску-кручину, —
Молодец ей отвечал. —
Полюбил, как увидел,

Я тебя, мою красу,
И отказа не снесу.
Будешь ты моей женою?
Под венец пойдёшь со мною?»
Деввица взглянула мило
И улыбкой одарила
Нежных ярко-алых губ:
«Молодец, и ты мне люб.
Буду я твоей женою,
Под венец пойду с тобою».
Вышла с ним во двор она.
В небе полная луна,
И светло, как будто днём.
Следом шаферы вдвоём.
Чудо! — тройка у ворот
Их нетерпеливо ждёт.
Сели и помчались ходко,
Жмётся к милому молодка,
Холодно и страшно им
По полям лететь чужим.
Скоро звёздочки померкли,
Рассвело. Они у церкви
Очутились приходской
За оградой городской.
Внутрь вошли,
перекрестившись,
Вместе Богу помолившись.
Поп спросонья поворчал,
А потом их повенчал.
Вышли из дверей наружу,
Молодица молвит мужу:
«Хоть лукавый нас кружил,
Но Господь соединил.
В этом городе большом
Мы в согласье заживём».
Всё сбылось, как порешили:
Дружно молодые жили,
Берегли свою любовь,
Бог послал им стол и кров,
И дочурок, и сыночков...
Десять минуло годочков.
Постучались раз в их дом

Старица со стариком —
Сгорбленны, и безобразны,
И оборванны, и грязны,
И с младенцем на руках.
Жалки речи старика:
«Люди добрые, пустите,
Обогрейте, накормите
Вы старуху и меня.
Мы не кушали три дня,
А младенец — вот вам крест —
Десять лет не пьёт, не ест».
Как хозяйка поглядела,
Так душой и обомлела,
Виду всё ж не подала
И к столу их позвала.
Угощала пирогами,
Щами, сладкими медами
И солёными грибами,
Парила в горячей бане
И обоих в чистом платье
Уложила на полати.
Муж не стал перечить ей,
Принял незваных гостей.
Нищие, дивясь о том,
Враз уснули крепким сном.
А хозяйка вышла в сени
Посмотреть, как их младенец,
Там оставила его,
Не сказавши ничего.
Поутру, проснувшись раньше,
Наварила мёда, брашен
И, когда был стол готов,
Разбудила стариков.
Но они благодарят,
Много кушать не хотят,
Собираются в дорогу
И уже идут к порогу.
Вдруг хозяйка их младенца,
Развернувши полотенце,
Как ударит топором!
Щепки полетели в дом —
Там лежал не мальчуган,

А осиновый чурбан!
Старики молодке в ноги:
«Нас простите ради Бога,
Одиноких и несчастных.
Прокляли мы дочь напрасно,
И она в тот страшный час,
Плача, вдруг исчезла с глаз.
Десять лет её мы ищем,
Не имея крова, пищи.
Но нигде Любаши нет.
Ох, не мил нам белый свет.
Ходим, каясь, по церквям,
Не видать прощенья нам.
И осиновую чурку
Мы лелеем как дочурку».
Тут хозяйка молодая
Молвит, слёзы утирая:
«Бес-чурбан вам очи застил,
Наводил лихие страсти.
Матушка моя, отец!
Узнаёте наконец?
Поглядите, я Любаша,
Дочь потерянная ваша!»
Пелена упала с глаз,
И признали в тот же час
Дочь родную старики
И, склонясь на тюфяки,
Просят горячо прощенья.
Дочь их подняла с коленей:
«Милые мои, не нужно!
Вот, родные, Ваня, муж мой.
Он теперь вам вместо сына.
Прочь навек, тоска-кручина!
Мы давно простили вас,

Оставайтесь жить у нас,
Будете растить внучат,
Не тужить и не скучать!»
Сели с радости за стол,
И горою пир пошёл!
Славят все Христову милость!
Ничего не обломилось
Только бесу, ведь забыта
Здесь вражда. Грызая копыта
От бессилья и досады,
Сгинул бес в пучине ада,
Больше не войдёт в их дом,
Но ему и поделом!
А чурбан его в ночи
Весело сгорел в печи.
И на этом сказка вся,
Дальше сказывать нельзя.
Засыпайте поскорей.
Утро ночи мудреней».

Видит няня: Оля спит.
Тихо Лёвушка сопит,
Саша трёт ладошкой глазки —
До конца он слушал сказки,
Обнимает сладкий сон
Отрока со всех сторон.
Месяц всходит за окном,
Отливает серебром
Свежий снег в его лучах.
Няня, «Отче наш...» шепча,
Крестит деточек с любовью,
Поправляет изголовья.
Погасила две свечи
И уснула на печи.

Сказка о Петре-царевиче

В государстве православном
В стольном городе державном
Жил да был когда-то встарь
С молодой женою царь.
А царица-то мила,
В царстве краше всех была:
Взор очей небесных нежен,
На щеках румянец свежий,
Косы русые до пят.
Только ножкой ступит в сад,
Кланяются ей цветки,
Прилетают мотыльки.
Запевают песни птицы
Для прекрасной молодежи,
Белки ластятся у ног:
Дар чудесный дал ей Бог
Понимать язык зверей...
И наперсница у ней
Во дворце была младая,
С виду добрая такая.
Станом и лицом она
Тоже вроде недурна,
Но с Алёною-царицей
Даже близко не сравнится.
И ни коротко, ни длинно
Было имя ей — Каина.
Всё царицу ублажает,
А душонкой помышляет,
Госпожу чтоб извести
И самой на трон взойти.
Государю строит глазки
И выказывает ласки,

И готова услужить,
Ночью тайно ворожить,
Да напрасно: царь одну
Любит милую жену.
А наперсница наглеет,
С каждым днём душою злеет.
Стала клеветать она,
Мол, Алёна неверна.
Говорит: «Царь, берегитесь,
По ночам к супруге витязь
Приезжает для утех,
В спальне слышала я смех».
Поначалу царь не верил,
Но когда, открывши двери,
Поутру к жене вошёл,
То перчатку там нашёл
У оконницы чужую,
В садике — чепрак от сбруи.
На царя хандра напала,
Ревность душу истерзала.
А несчастная царица
Пред иконами божится,
Что была ему верна,
Что не ведает она
И не понимает, как
И перчатка, и чепрак
Оказались вдруг у ней;
Но не верит царь жене.
Государыня тоскует,
А наперсница ликует,
За своё взялась опять,
Чтоб царя очаровать,

Да ни в чём не преуспела.
До неё царю нет дела,
Ревность гложет день и ночь,
Уж совсем ему невмочь,
Нет от страсти той лекарства.
Он решил оставить царство
На боярина старшего
И царице молвит слово:
«Я из дому еду прочь,
Чтоб кручину превозмочь,
А когда назад вернусь,
Так во всём и разберусь».
Плачет бедная царица,
Словно в клетке голубица:
«Свет ты мой, не уезжай,
За морем, чай, жизнь не рай.
Я верна тебе, поверь».—
«Говоришь ты так теперь,
А когда мне изменяла,
Верно, и не вспоминала!
Уезжаю, прощевай!»—
«Хоть на память ты мне дай
О себе одну вещицу».
Царь тогда даёт царице

Крест нательный золотой,
Надевает сам простой,
Помолившись на дорожку.
Ко дворцу подали дрожки,
Сел в них царь, уехал спешно.
А царица безутешна
И в кручине девять дней
В горенке сидит своей.
На десятый поняла,
Что неспроста была,
Что под сердцем целый месяц
У нее дитя. Той вести
Радуетя всей душой.
«Государь вернётся мой, —
Думает она, — увидит,
И меня он не обидит,
И кровиночку свою.
Чай поймёт, что я люблю
Лишь ребёнка и супруга.
Буду ждать милого друга,
Бога день и ночь просить
На пути его хранить».
И, Всевышнего моля,
Стала ждать она царя.

Цни за днями протекают
Утомительной чредой,
Звери, птицы утешают
Грусть царицы молодой.
С яблонь, вишен и калины
Облетает вешний цвет,
Близятся уже родины,
Милого всё нет и нет...
А тем временем Каина
Власть в чертогах прибрала:
Миловала, и казнила,

II

И ссылала, и секла.
Срок пришёл. Царица ночью,
Мучаясь, в постель слегла
И прекрасного сыночка
Рано утром родила.
Знать столпилась у кровати,
Молвят: «Первенец с лица
Вышел в мать красой, а статью
Будет он в царя-отца».
В честь счастливого рожденья
Пушки у дворца палат,

Славному дитю кума.
Ну а нам с тобой награда —
Деньги, чай, а не тюрьма».

Дело сладили до света,
Отнесли в покой дворца
Мёртвым в кружевном
конверте

Кузнечихина мальчика,
Но наперсница-злодейка
Не дала им ни гроша
И царице в колыбельку
Подложила малыша.

На рассвете встав, Алёна
«Сына» на руки взяла,
Развернула из пелёнок —
Как слезами залилась!

И сквозь слёзы не узнала,
Что младенец-то чужой,
Билась, плакала, кричала
По кровиночке родной,
За минуту поседела,
Жить без сына не смогла,
Не пила весь день, не ела,
К ночи тихо умерла.

Крестик царский с ручки
белой

Вниз упал, слегка звеня,
И Каина углядела,
Повариху подманя,
Шепчет: «Вот тебе награда
И супругу твоему,
Обо всём молчи, будь рада,
Что не посажу в тюрьму».
И решила повариха,
В путь последний проводя
Госпожу: «У кузнечихи
Царское крещу дитя

Этим крестиком богатым —
Пригодится он ему,
Если даст Господь когда-то...
Крест золотой мне ни к чему».
Так и сделала. Царёнка
Окрестила тем крестом,
В честь апостола мальчонку
Иерей нарёк Петром.
Названного его брата
Иоанном нарекли.
В доме кузнеца ребята
Не разлей вода росли.

Наконец из-за границы
Царь на тройке прискакал,
Как узнал про смерть царицы
И дитя, загоревал.

Он себя винил всем сердцем,
Долго плакал и грустил.
Нет в раю обратной дверцы,
Не вернёшь, что схоронил...

А Каина всё кружила
Курицей вокруг царя,
День и ночь ему служила,
Ворожила, ворожила,
Заклинания творя,

Ни на шаг не отходила,
Время не теряя зря.
На четвёртый год женила
На себе она царя
И сама царицей стала,
Околпачила его,
С кем хотела, изменяла,
Царь не видел ничего —
В чарах был. Ему с Каиной,
Хоть молил он и желал,
Бог ни дочери, ни сына
В утешенье не послал.

На селе у кузнеца
Недалече от дворца —
Лишь всего за девять вёрст —
С братом Пётр–царевич рос.
Минуло двенадцать лет,
Как они родились в свет.
Отроки сильны и ловки,
Помогают бате в ковке,
Не по летам всяк умён,
Русской грамоте учён.
И на радость кузничихе
Да их крёстной поварихе
Помогать они горазды
По хозяйству в нуждах

разных.

Нет дружной в селе ребят:
В меру возраста шалят,
В воскресенье ходят в храм,
Тешатся по вечерам
С деревенской малышнёй.
Лес обоим — дом родной:
За грибами, на охоту
Ходят мальчики с охотой,
Но не всем они равны.
Господом Петру даны
Драгоценные два дара.
Как когда–то понимала
Мать его язык зверей
И они ласкались к ней,
Так и Пётр–царевич тоже
Понимать с рожденья может,
Что задумала куница
И о чём щебечет птица,
Дуб шумит на ветерке
И журчит вода в реке.
Дар второй Петру был дан —

Знать любой язык славян
И заморских басурман.

На охоте раз царевич
Слышит зов среди деревьев:
«Помогите! Помогите!
От гибели спасите!»
Смотрит: кто–то убегает
От лисы, в траве петляет:
То ли белка, то ль зайчонок,
То ли махонький мальчонка.
Хочет Пётр ему помочь
И кричит лисице: «Прочь!»
Но не слушает плутовка,
Прыгает к добыче ловко,
Вот почти её поймала.
Вдруг стрела ей в глаз попала:
Выстрелил царевич метко.
Подошёл, откинул ветку:
Рыжая пластом лежит,
А у лап её дрожит
И не белка, не зайчонок,
И не махонький мальчонка —
Сморщенный весь,

как сморчок,

Старичок–лесовичок.
Для него трава — что кущи.
Молвит голоском трескучим,
Забираясь на пенёк,
Чтоб казаться выше мог:
«От гибели сейчас
Ты меня отважно спас.
Щедро отблагодарю
И за это подарю
Я серебряный рожок.
Береги его, дружок!

Заиграешь как на нём,
Так к тебе хоть ясным днём,
Хоть в глухую тёмну полночь
Все друзья придут на помощь». Он спасибо ждать не стал
И в густой траве пропал.
Глянул отрок на пенёк,
А на нём и впрямь рожок
Серебром сверкает ярко!
И царевич рад подарку,
Он лисицу как добычу
На плечо взвалил привычно,
Думая: «Вот будет любя
Матушке обнова к шубе!»
И пошёл быстрее к дому
По тропиночке знакомой.

На вечерней зорьке тихой,
Отпросясь у кузнечихи,
Вышел с братом на лужок
Пётр–царевич и в рожок
Заиграл легко, задорно.
Со всего села проворно
Прибежали друг за другом
Отроки, сев полукругом,
Чудному рожку внимают.
Пётр затейливо играет,
А когда закончил трели,
Говорит: «Царевны–ели,
Вы зелёны круглый год,
И мороз вас не берёт,
От ветров вы не таитесь.
Мне же вместе поклонитесь!»
Зашептали, зашумели
Дружно вековые ели,
Вдруг макушки приклонили
И обратно распрямили.
Пётр–царевич не чинился,
Тоже елям поклонился,

Улыбаясь им учтиво.
Ребятишкам это диво.
Он опять на лес глядит
И берёзам говорит:
«Красны девицы–берёзы,
Раскудрявые вы косы
До земли ко мне склоните,
Уваженье окажите!»
Все берёзы поклонились
И обратно распрямились.
Пётр–царевич не чинился,
Сам берёзам поклонился,
Улыбаясь им учтиво.
Ребятишкам снова диво.
Квакают в реке лягушки,
А царевич им: «Квакушки,
Уваженье окажите
И часочек помолчите».
Все лягушки на реке
Смолкли. Тихо на лужке.
Отроки загомонили,
Меж собою обсудили
И царевичу сказали:
«Мы сегодня здесь видали,
Что имеешь благодать
Ты берёзам приказать,
Елям и в реке лягушкам.
Надобно тебя нам слушать.
Будешь ты у нас царём,
Мы тебя не подведём,
Станет Ваня, братец твой,
Правою тебе рукой».
Поклонились все ему.
Пётр в ответ: «Быть по сему!
Стану я у вас царём,
Слушайте меня во всём.
Наш союз нерасторжимый,
Вы теперь моя дружина.
Буду я верховодить

И по совести судить.
А пока велю я вам
Расходиться по домам».

Прозвала царём Петра
На селе вся детвора,
А потом к нему на суд
Потянулся взрослый люд,
Ведь царевич-то на диво
Судит строго, справедливо:
Кого надо наказать,
Кому милость оказать,
А кому-то и помочь
Вместе беды превозмочь,
Как решить соседям спор...
Девять лет прошло с тех пор.
Пётр-царевич возмужал,
Витязем прекрасным стал.
Брат его Иван-кузнец
Тоже добрый молодец.
И искусным мастерством
Славятся они вдвоём.
Пётр-царевич в тонкой ковке
Брата превзошёл в сноровке:
Вещь по книжкам
заграничным
Выкует, но, глядь, отлична
Кое в чём от чертежа
И отменно хороша!
А Иван не отстаёт,
Инструмент любой скуёт:
Борону, косу, топор
И решётку на забор.
Глянуть дорого и любо —
Ни одной засечки грубой
В их работе не встречали.
Братьев чтят односельчане
И Петра зовут притом
Не иначе как царём.

Всю окрестность сторожили
Воины его дружины,
Витязи-богатыри,
И числом их тридцать три.
О разбоях лишь узнает
Пётр-царевич, созывает
Вмиг рожком своих ребят,
На разбойников летят.
Те, заслышав их подковы,
По добру и по здорову
Убираются подале,
Чтобы их не заковали,
И за тридевять-то вёрст
До села не сунут нос.

Братьев срок женить настал.
Пётр-царевич подыскал
По сердцу себе девицу —
Златошвейку-мастерицу.
Катя — дивная краса:
Изумрудами глаза
На лице её сияют,
Косы златом отливают,
Кудри вьются на висках
И румянец на щеках —
Словно лепесточки роз.
Пётр к венцу её повёз.
Свадьба славная была,
Только жаль, не дожидла
До венчанья кузнечиха,
И встречала повариха
Матушкой посажёной
У крыльца молодожёнов.
Не было в живых отца,
Алексея-кузнеца,
Тёзки самого царя.
На исходе декабря
Повар — кум его Игнат —
Года три почил назад.

Да на то ведь Божья воля:
Меньше людям жить иль доле.

Молодые после свадьбы
Зажили в своей усадьбе
Ладно, весело и дружно,
Всё имея, что им нужно.
Для супруга Катерина
Шьёт рубахи — что картины:
Златом-серебром узор
Блещет, улаждая взор,
Узелков нигде не видно —
И царю надеть не стыдно.
Ну а что ж Иван-кузнец?
Он покуда под венец
Не повёл свою зазнобу.

Пот однажды летним днём
Государь узнал о том.
Возмутился он в сердцах:
Как, мол, это кузнеца,
Даже и в селе одном,
Смеют величать царём?
В государстве царь один —
Самодержец-господин.
И отправился он в путь
На «соперника» взглянуть
И смекалку испытать,
Чтоб решить: иль наказать,
Иль помиловать Петра.
Рано выехал с утра.
Видит: на селе порядок,
В каждом доме есть достаток,
Мужики давно на поле,
Всю скотину держат в холе,
Ребятишки все опрятны,
А молодухи нарядны,
На щеках у них румянец,

С ней они решили оба
Свадьбу осенью сыграть.
Настенькой невесту звать —
Поварихи дочка это.
Красотою тонкой, светлой
Отличается она,
Расторопна и умна.

Жили так да поживали
Пётр с Иваном, бед не знали.
На селе у них порядок,
В каждом доме есть достаток,
С каждым годом он крепчает;
Слушают односельчане
Мудрый суд Петра во всём
И зовут его царём.

II

Днём с огнём не сыщешь
пьяниц,

Бабы улицу метут.
«Хорошо они живут, —
Государь подумал. — Кабы
В половине сёл хотя бы
Люд трудился так же славно,
То в казну мою исправно,
Без сомненья, круглый год
Добрый поступал доход».

Вот и кузница большая.
Дружно кузнецы куют,
Будто бы чечётку бьют.
Говорит царь, подъезжая
На высоком жеребце
К незамкнутым воротам:
«Кузнецы, Бог в помощь вам!»
И с достоинством в лице
Отвечает Пётр-кузнец
Поясным ему поклоном,

Как и водится исконно:
«Вам того же, царь-отец!» —
«Сколько будет стоить златых
Подковать у вас коня?» —
«Сколько ступит до меня
Конь шагов». — «Дороговато
За такой несложный труд, —
Царь подумал. — Он не промах,
Таковых в моих хоромах
Хоть поищут — не найдут».
И, спокойствие храня,
Пусть платить ему досадно,
Говорит: «Ну что же, ладно,
Вы подкуйте мне коня».
Пётр коню погладил гриву,
Что-то на ухо сказал
И копыта подковал.
Государю это в диво:
Конь стоял сам полчаса
Возле наковальни вольно,
А теперь такой довольный,
Будто съел мешок овса.
Что царю поделать? Плату
Кузнецам вручает он.
Говорит Петру: «Умён
Ты, кузнец. В мои палаты
Завтра приезжай к обеду.
Да чур только не верхом
И не приходи пешком».
Пётр в ответ: «Добро, приеду».
«Не забудь, как обещал ты, —
Дальше молвит государь. —
Принеси такой мне дар,
Чтоб хотел я, да не взял бы.
А ещё я пожелал,
Чтобы ты и мне, и слугам
Своего врага и друга
Неприменно показал».
Пётр с поклоном: «Покажу,

Коль так, государь, Вам нужно,
Это службишка — не служба».
«Всё исполнишь — награжу,
Не исполнишь — накажу, —
Царь сказал, — тогда пеняй
На себя. Пока прощай».

Приближался час обеда.
Государь встал у крыльца,
Дабы встретить молодца.
На козе царевич едет,
Да упрямится коза:
То идёт она, то станет,
Слезет Пётр с неё и тянет
За собой. Во все глаза
Царь глядел и рассмеялся:
Ведь и правда, не пешком
Пётр-царевич, не верхом
До дворца его добрался.
Слез с козы, к царю идёт
И под блюдом серебряным
С низким поясным поклоном
Дар царю свой подаёт.
Тот принять подарок хочет:
Может быть, под блюдом чудо?
Поднимает, а оттуда
Вылетает сокол-кобчик.
Царь отпрянул и хохочет:
«Твой подарочек хорош!
И захочешь — не возьмёшь:
Выклюет, пожалуй, очи».
«Не взыщите, царь, я тот
Дар принёс по Вашей воле.
Высоко взлетел соколик, —
Жмёт плечами умный Пётр.
«А теперь заданье третье, —
Смотрит государь вокруг. —
Где твой враг и где твой друг?»
Свистом гость ему ответил.

Ко дворцу быстрее ветра
Пёс охотничий бежит.
Пётр ему: «Дружок, служи!»
Тот служить стал беззаветно.
Пёсика хозяин гладит:
«Ай да молодец, Дружок!
Получай-ка сахарок!
Вот с царём как надо ладить!»
Молвит государь с улыбкой:
«Да, собака верный друг! —
И даёт печенье с рук. —
Ни одной пока ошибки!
Ну а кто враг лютей твой?»
К ним Иван-кузнец идёт,
Волка на цепи ведёт.
Крупный зверь, матёрый,
злой —
Сразу видно по походке,
Исподлобья смотрит гордо,
В шрамах у него вся морда.
Пётр-царевич волка плёткой
Хлещет больно по спине:
«Вот, мой враг, тебе подарок!
Будешь знать, как резать ярок
И в хлевах у нас свиней!»
Хорошенько отлупил
И, схватив рукой за холку,

Властно что-то молвил волку —
Хищник голову склонил.
Государь Петра хвалил:
«Волк — опасный враг,
не шутка,
И смотреть-то было жутко,
Как его ты укротил!»
Пётр-царевич отвечал:
«Будет помнить мой гостинец!»
Государь велел в зверинец
Волка поместить тотчас,
И его Иван отвёл.
Царь Петру сказал с отрадой:
«Ты исполнил всё как надо!
А теперь прошу за стол.
Приглашаю отобедать
Без бояр и без царицы».
И пошли они в светлицу
Яства царские отведают.
Может, долго, может, нет
Кузнецы с ним ели, пили.
И ответно пригласили
Государя на обед.
Говорит он: «По рукам!
Завтра в полдень еду к вам».
Наградил и после пира
Отпустил домой их с миром.

Ц

В полдень въехал царь в село,
А его встречать пришло
К церкви множество людей:
Старых, взрослых, малышей.
Всюду яркие наряды,
Всё селенье очень радо,
Что приехал к ним, как встарь,
Православный государь.

А вдоль улицы стоят
Всадники лихие в ряд —
Витязи-богатыри,
И числом их тридцать три,
В пояс все творят поклон.
Под торжественный трезвон
Храмовых колоколов
Едет царь до кузнецов.

И его встречать идёт
Катерина, у ворот
Преподносит хлеб да соль
И зовёт в избу за стол.
Царь приметил: молодица
Выступает, как царица,
Плавно и неторопливо.
Сарафан её на диво
Златом–серебром расшит,
Так на солнце и блестит.
И сама она краса:
Изумрудами глаза
На лице её сияют,
Косы златом отливают,
Кудри выются на висках,
И румянец на щеках —
Словно лепесточки розы,
Строен стан как у берёзы...
И, любуясь, царь вздохнул:
Вспомнил прежнюю жену.

У порога кузнецы,
Жеребца взяв под уздцы,
Государю поклонились
И благодарят за милость,
Что приехал погостить
И простой их дом почтить.
А в избе всё чисто, ладно,
Блещут у икон оклады,
Занавески кружевные...
И сосуды расписные
На столе рядком стоят,
Угощеньем стол богат —
Катя не дала промашки!
А на кузнецях рубашки —
Словно шитые картины,
И не коротки, не длинны.
Пётр–царевич пригласил,
В красный угол посадил

Самодержца всей державы.
Отобедали на славу:
Брашна хоть просты,
да вкусны,
Приготовлены искусно,
И меды текли рекой.
После трапезы такой
Государя на кровать
Положили почивать,
А когда он пробудился,
То подаркам подивился:
Кованный Петром ларец —
Словно сказочный дворец,
Весь в орнаментах старинных.
И царю от Катерины
Шитая рубаха — в пору!
Подивился он узору:
Узелков нигде не видно —
Самому надеть не стыдно.
Царь в рубаху нарядился,
В путь обратный снаряжился,
Кузнецов благодарит,
Службу во дворце сулит.
Пётр–царевич согласился,
С милою женой простился:
Катя месяц как непрадна,
Ехать ей пока опасно.
Молвит тут Иван–кузнец:
«Разрешите, царь–отец,
Мне в селе родном остаться.
Не могу пока расстаться
Я с кузнецким мастерством.
И хранить здесь буду дом».
«Ладно, так тому и быть.
Поезжай–ка проводить
До дворца, пожалуй, нас», —
Царь ответил, и тотчас
Сели на коней верхом
И поехали шажком

По царёву пожеланью:
Он задумал испытанье
Снова учинить Петру
Во сосновом во бору.

Высоки стволы, стройны.
«А на что они годны?
Лучше сделать что из них,
Этих сосен вековых?» —
Вопрошает хитро царь.
«Кузню б сделал, государь», —
Говорит Иван-кузнец.
Думает и наконец
Отвечает Пётр-царевич,
Поглядевши на деревья:
«Сделать было бы верней
Мачты царских кораблей».
Государь их похваляет
И совет на ус мотает.
Въехали в еловый лес.
Там деревья до небес.
«Лучше сделать что из них,
Этих елей вековых?» —
Вопрошает хитро царь.
«Избу можно, государь», —
Говорит Иван-кузнец.
Думает и наконец
Отвечает Пётр-царевич,
Поглядевши на деревья:
«Я б из этих стройных елей
Царские палаты сделал».
Государь их похваляет
И совет на ус мотает.
Едут дальше. Глядь — на круче
Дуб раскидистый могучий,

Ствол, уж верно, в три обхвата.
Хитро царь спросил: «Ребята,
Что из векового дуба
Может выйти ладно, любо?»
«Наковальня, царь-отец», —
Говорит Иван-кузнец.
А царевич: «Нет, негоже.
Дуб сгодится помоложе
Для кузнецких наковален».
И, подумав, молвит дале:
«Это старый дуб, могучий.
Из него бы вышел лучше
Государю новый трон».
Царь ответом восхищён
И совет на ус мотает,
И обратно отпускает
Недалече от дворца
Он Ивана-кузнеца.

Отпустил и думать начал,
Кем Петра ему назначить:
«Ай да славный он детина!
Вот бы мне такого сына!
Мастер-то, видать, отличный.
Книжек сколько заграничных
Навыписывал себе —
Полки в кузне и в избе.
Наделён ещё притом
Государственным умом.
Нет, не зря его царём
Называют всем селом.
Что там думать, не иначе
Надобно его назначить
Мне боярином старшим...»
Вот на том и порешил.

Царь с Петром вошли наутро
В величавый тронный зал.
Янтарём и перламутром
Зал изысканно сверкал.
Важно думные дворяне
Полукругом там сидят,
Несмотря на час столь ранний,
Хмуро на Петра глядят.
Царь указ свой объявляет
И Петра, как порешил,
Высочайше назначает
Он боярином старшим.
А дворяне беспокойно
Шепчутся: «Простой кузнец!
Где же видано такое,
Чтобы стал старшим простец?»
Мало ли кто недоволен —
Будет так, как царь сказал,
Приказать один он волен.
Тут царица входит в зал.
Царь старшего представляет:
«Жаловать прошу, любить...»
Назначенье одобряет
Та и на Петра глядит,
А узнать его не в силах.
И, бесстыжая, она
Сразу же в него влюбилась,
Но ничуть не смущена.
Ей любовники не внове:
Пётр и статен, и хорош,
Чем же не предмет любви?
Редко где таких найдёшь.
А ему она не любя:
Зло кривит Каина рот,
Смотрит нагло, хитро, грубо,
Длинный нос везде суёт.
Возрастом уж не молодка,

Ц

Да и что там говорить:
Против Катеньки уродка,
Невозможно и сравнить!

Избегает Пётр царицы,
Катю в город не берёт,
Ведь Каина разозлится.
Сам дела меж тем ведёт
Основательно и споро:
Оживляется народ
И идёт хозяйство в гору,
А царю в казну доход,
И на диво всем боярам
Из далёких стран земли
За товаром и с товаром
Приплывают корабли.
И дворяне, и бояре
Стали уважать Петра:
Не сидит себе как барин,
В деле с раннего утра.
Царь в Петре души не чаёт,
Держит с ним всегда совет,
Жалует и привечает,
И царевич то ж в ответ.
Государю вместо сына
Стал он. Чувства всё теплей,
Да преследует Каина
Страстью грешною своей:
Не даёт Петру прохода,
Так желанием горит,
Что и при честном народе
Хочет в спальню заманить.
Отговаривался всяко
Пётр. Минуло тридцать дней.
В ней терпение иссякло,
Говорит ему: «В моей
Почивальне этой ночью

Ты сегодня должен быть,
А иначе опорочу
Пред царём, велю казнить!»

Пётр ушёл в большой кручине,
Думу думает, смурной:
«Неужели Катерине,
Жёнушке моей родной,
С непотребною блудницей
Мне придётся изменять?
Хоть она сама царица,
Таковому не бывать!»
И пошёл как бы по делу
На конюшню, жеребца
Оседлал и полетел он
До деревни из дворца.
Катя рада несказанно,
Что вернулся к ней супруг.
Он, кручину рассказав ей,
Говорит: «Пойду на луг
Собирать свою дружину.
Мне погонь не миновать».
Молвит мужу Катерина:
«Погоди-ка воевать,
Ни к чему с царём быть в ссоре:
Вы убьёте, вас убьют...
Помогу, мой милый, в горе,
Мы применим хитрость тут.
В ночь тебе сошью я платье
Из дырявого мешка,
Как придёт царицы рать к нам,
Ты сыграешь дурака.
Узнавать тебя не будут,
Разве что начнут дразнить.
А потом, глядишь, забудут,
Станем мы, как прежде, жить».
Говорит супруг Катюше:
«Ах ты умница моя!
Воевода, хоть и ушлый,

Не признает, чай, меня.
Дурака смогу сыграть я.
А пока подай на стол...»
Утром в рваном грязном платье
На опушку он пошёл,
Своему коню враному
Воротиться приказал.
Прискакал рысак до дому
И в конюшне царской встал.

А царевича напрасно
Ночь Каина прождала,
Утром встала, злая страшно,
И погоню послала
Вслед ослушнику. Помчала
Стража прямо до села,
В кузнице его сначала
Поискала, не нашла.
Катя молвит воеводе:
«Знать не знаю ничего.
Я прошу Вас, как найдёте,
Приведите мне его.
Не бывает в нашей веси,
Как уехал он с царём,
Глаз не кажет целый месяц.
Я соскучилась по нём».
Стало стражнику досадно,
Ей сквозь зубы промычал:
«Приведём, быть может. Ладно».
И к опушке вскачь помчал.

От погони взмокла стража.
Видят, там сидит дурак:
Всё лицо в грязи и саже,
И с бубенчиком колпак
Из дырявой мешковины
У него на голове.
Он сухие хворостины
Разложил на кучи две,

Из одной теперь в другую
Перекладывает их
Да ещё напропалую
Вшей на платье бьёт своих
И кладёт в худую кружку
Неизвестно для чего.
Ну ни дать ни взять петрушка!
Стали спрашивать его,
Указав на хворостины:
«Что ты делаешь, дурак,
Безо всякой тут причины?»
Отвечает: «Как не так!
Убавляю, прибавляю,
Но богатства не коплю,

В платье рваном и убогом
Пётр ходил по сёлам многим,
Возвращаться не спешил,
Шутками крестьян смешил,
Те приветливо встречали,
Дружно мелочь подавали
И, жалея дурака,
Подносили молока
Кружечку ему парного,
Ломтик хлебушка ржаного
Или сухарей в мешок
Насыпали щедро впрок.
Иногда в родном селенье
Пётр–царевич представленье,
Быв неузнанным, давал,
Каламбурил, танцевал
Для того лишь, чтоб Катюшу
Повидать — утешить душу.
Но минуло три недели,
Каламбуры надоели
Так ему, что нету мочи,
Да холодны стали ночи,

Всех врагов уничтожаю,
И в кадушке их топлю».
Воевода с громким смехом
Крутит пальцем у виска:
Мол, того! И прочь поехал:
Нету спроса с дурака.
Ускакали быстро стражи,
Пыли поднимая вихрь.
Пётр вослед язык им кажет:
Околпачил ловко их.
На плечо мешок повесил;
Раз нельзя ему домой,
Он отправился по весям
Веселить народ честной.

III

Чтобы ночевать в соломе,
А нельзя в родимом доме:
Там сидит царицы стража,
На порог не ступишь даже.
Пётр–царевич долго думал
И решил идти без шума
В стольный город, втихаря
Чтоб разведать про царя,
Про дела в его чертогах,
Ну а там на волю Бога
Положиться: будь что будет,
Чай, поможет, не осудит,
Вняв Катюшиным мольбам.
Пётр пешком шёл по лесам,
Вечером он у дверей
Крестной матушки своей
Постучал. Она открыла
И, хотя темно уж было,
Крестника узнала сразу,
Пусть и вымазан он грязью,
И в дырявом колпаке,
И с пустым мешком в руке.

Шапку натянул на уши.
И, начистив бубенец,
Зашагал он во дворец,
Говоря в дороге шутки,
Каламбуры-прибаутки.

Царь в своих хоромах тужит,
С самой той поры недужит
Безутешною душой,
Как пропал его старшой
И любимейший боярин.
Новый же сидит как барин.
Родовит он хоть без спору,
Катятся дела под гору:
Приуныл опять народ,
Не идёт в казну доход,
И уменьшился достаток,
И в селеньях беспорядок,
Перестали корабли
Приплывать со всей земли
За товаром и с товаром.
Размышляет царь: «Я старый,
Править мне уже невмочь,
Некому в делах помочь...»
Говорит дворецкий тут:
«В ворота стучится шут,
Просится его впустить,
Чтобы Вас повеселить.
Он в саду смешит народ,
А собой такой урод!»
Царь и рад: «Пустить!

Быть может,

Одолеть тоску поможет
Этот пришлый лицедей,
Коль он рассмешил людей».
И зашёл в его палаты
Шут, малёванный, горбатый,
Заплетают ноги криво,
Бубенцы звенят игриво,

Презабавно каламбурит.
Перестал царь брови хмурить,
Улыбнулся наконец
И назначил во дворец
Нового шута он сразу,
Полюбив за смелость фразы,
Уморительность гримасы,
За весёлости забав
И открытый добрый нрав.

Каламбурам царь смеётся
И с шутком не расстаётся,
Ест и пьёт с ним, а порой
Делится своей тоской.
Пётр старается в ответ
Шуткой дельный дать совет.
Царь исполнить так поручит,
Глядь — дела пойдут получше.
А Каина взревновала
Вдруг к шуту и часто стала
(Накажи её, Господь!)
Издеваться и колоть
Словом острым, как

шиповник.

Вызнал Пётр: у ней любовник
Появился снова страстный.
Хитрый, ушлый и опасный,
Хоть собою молодец,
Тот Шелковников-купец,
Но лицом не столь красив,
Сколь в худых делах сметлив.
Ох, себе он на уме!
В душу мачехе сумел
Влезть, как будто бы сама
Та влюбилась без ума.
Стал за ними Пётр следить,
Чтоб в крамоле уличить,
Правду всю царю поведать
И честному белу свету

И поганую породу
Вывести на чисту воду.

Раз, когда уже темно,
Незаметно сквозь окно
В спальню мачехину влез он,
Спрятался за занавеской,
Шапку шутовскую снял,
Бубенцы все отвязал,
Чтоб они не зазвенели.
И прислушался. В постели
Мачеха с купцом лежала,
Развлекалась с ним сначала,
Целовалась нежно с милым,
А потом заговорила,
Как царя бы извести
И скорей на трон взойти
Ей с любовником своим.
Долго Пётр был недвижим,
Слушал их возню и смех.
Вдруг его в лоб, как на грех,
Укусил пребольно клоп.
Он клопа рукою — хлоп!
Встал купец с постели резко
И, отдёрнув занавеску,
Осветил лицо шута.
Мачеха вопит: «Беда!»
Принялась орать ужасно,
Что преступник он опасный,
Что хотел её убить,
Царство силой захватить,
Что Шелковников сейчас
От него её, мол, спас...
Прибежали в спальню стражи
И Петра скрутили сразу.
Приказала им царица
Заточить его в темницу.
Утром батюшку-царя,
Лютой злобою горя,

Разбудила, рассказала,
Так шута оклеветала,
Что смогла уговорить
Поскорей его казнить.

Во дворце про это лихо
Разузнала повариха
И пришла к Петру в тюрьму,
Принесла поесть ему.
Со слезами на глазах
Молвит: «Может, рассказать
Государю правду всю,
Он головушку твою,
Чай, помилует». (За дверью
Ходит страж.) «Нет,
не поверят, —
Шепчет Пётр на ухо ей,
Крёстной матери своей. —
Мамушка, не побоюсь
И за царство поборюсь,
Будет в нашем доме счастье!
Приходите завтра с Настей
К эшафоту моему,
Не дивитесь ничему
И молитесь всей душой.
Вот и выйдет хорошо.
А сейчас покой мне нужен.
Принесите только в ужин
Мне Катюшину рубаху,
В ней хочу взойти на плаху».
Молвив: «Господи,
помилуй», —
Крестника перекрестила
Повариха и ушла,
Дома дочку позвала,
К Катеньке её послала.
Настя ветром поскакала
И рубаху ту взяла,
В стольный город привезла,

Но зачем, не рассказала,
Чтоб жена не унывала:
Волноваться ей опасно —
Пятый месяц как неспрадна.
Закатилось красно солнце,

Крёстная Петру в оконце,
Стражей обманув без страху,
Вместе с ужином рубаху
Пропахнула в узелке
И домой пошла в тоске.

Утром холодно: не лето.
Палачи к Петру вошли,
Посадили быстро в клетку,
На телеге повезли
К месту лобному на площадь.
Не боится смерти шут.
Потихоньку едет лошадь,
Рядом стражники идут.
Горожанам не по нраву
Эта казнь, шута им жаль:
Что боярам, мол, забава,
Простолюдинам — печаль.
Недовольный и понурый,
Тащится на площадь люд,
Но, как прежде, каламбурит
И паясничает шут.
С государевой каретой
Повстречался он, глядит
Сквозь витые прутья клетки:
Принаряжена, сидит
Мачеха его Каина
На диване впереди,
Царь и молодец-купчина
Развалились позади.
А Шелковников-то важен,
Будто молвит: «Сам большой!»
Разодет и напомажен:
Стал боярин он старшой
Лишь за то, что «спас» царицу
От «коварного шута»,
Выглядит важнее принцу,

VIII

А душонкой — нищета.
До того смешон — нет мочи —
Расфуфыренный фазан!
Шут над ним как захохочет!
Слёзы смеха на глазах
Утирает, а купчина
Громко задаёт вопрос:
«Что смеёшься, дурачина?»
Молвит, вытирая нос,
Шут: «Передние колёса
Катят за лошадкой вслед!» —
«Ну и что, пень стоеросый!»
У шута готов ответ,
Говорит ему кривляка:
«Ну а задние за чем?»
А купец: «Тебе бы плакать,
Ты смеёшься ни над чем!»
Идиот, глупец, мол, — крутит
Толстым пальцем у виска.
Шут глядит сквозь сетку
прутьев,
А как будто свысока.
Не поймёт, умишком слабый,
Сам купец намёк простой,
Что он тащится за бабой
С государем за одной.
Вот приехали на место.
На высокий трон взошли
Царь с царицей, сели вместе,
А паяца повели
На устроенный той ночью

Деревянный эшафот.
Шут по-прежнему хохочет:
«Дурака» страх не берёт.
Он, на виселицу глядя,
Чистит грязный бубенец.
Петлю шёлковую ладит
Сам Шелковников-купец.
Пальцем у виска царь вертит,
Говорит: «Хочу узнать,
Что желаешь перед смертью?»
«Можно на рожке сыграть?» —
Громко просит шут.

«Всего-то? —

Удивлённо царь сказал. —
Ну, играй, коль так охота».
И царевич заиграл.
А мотив задорен, весел,
Так выводит трель паяц,
Трудно устоять на месте:
Ноги сами рвутся в пляс.
Долго ль, коротко ль играет,
Времени потерян счёт.
Царь с улыбкою внимает,
Но безмолвствует народ.
А Иван-кузнец дружину
Кличет. Вмиг собрал ребят,
Полетели на вражину
Что есть духу в стольный град.
Скачут всадники лихие,
Витязи-богатыри,
Молодые, удалые,
И числом их тридцать три.
Конь царевича из стойла,
Слыша пение рожка,
Выскочил и по просторам
Поскакал взять седока.
Настя с матерью в сторонке
Молят Бога за шута,
И рожок играет звонко.

Вдруг влетает в ворота
Бравая дружина тучей
И несётся во дворец,
Мчится на коне могучем
Впереди Иван-кузнец.
Вмиг достигли эшафота,
А Шелковников стоит
К ним спиной, своей работой
Занят так, что не глядит.
Стража, всадников узревши,
Загодя сбежала прочь.
Свой рожок убрал царевич
И хохочет во всю мочь.
Говорит купец с издёвкой:
«Что опять ты ржёшь, дурак?» —
Подгоняя петлю ловко.
«Сам дурак! Не видишь, как, —
Молвит Пётр, — твою пшеницу
Голуби мои клюют?»
А купец ответу злится,
Обернулся он и тут
С перепуга пошатнулся,
Изумлённо глядя вниз,
На скамейке поскользнулся
И на той петле повис,
Что царевичу готовил,
Удавился и висит.
А царица хмурит брови,
Губы сжала, но молчит,
Не спешит на помощь, медля.
Говорит не зря народ:
Кто другому ладит петлю,
Сам в неё и попадёт.

Пётр-царевич вдруг на плаху
Скинул шутовской наряд,
А под ним чудо-рубаха —
Так узоры и горят!
И ему воды умыться

Подаёт Иван–кузнец.
Краска с грязью вниз струится,
И пригожий молодец
Предстаёт пред государем,
И «ура!» кричит народ.
А царицу как ударом
Бес хватил, она встаёт,
Поглядела и узнала
Вдруг Алёнины черты,
Диким голосом вскричала
И, скатившись с высоты
Трона, замертво упала,
Чёрный дух в ад отлетел.
Но никто о ней нимало
Ни минуты не жалел.

Облачился Пётр в доспехи,
Сел на ворона коня,
К батюшке–царю подъехал,
Голову пред ним клоня.
Ворожба злодейки мёртвой
Испарилась в миг один.
Молвит государь нетвёрдо:
«Неужели ты мой сын?
Помоги мне, Святый Боже,
И сомненья уничтожь!
На жену Алёну кто же
Может быть ещё похож?»
А царевич отвечает:
«Батюшка! Да, я сын твой!»
Спешился и обнимает
Государя пред толпой.
Царь узнал нательный крестик
И на нём своё клеймо,
Сердце новости не вместит:
«Сын нашёлся... Боже мой!
Расскажи, царевич милый,
Как возрос и возмужал,
Чьё дитя лежит в могиле,

Над которой горевал
Столько лет я безутешно?
Бог других детей не дал.
Ты прости меня. Я, грешный,
Ничегошеньки не знал».
«Лучше выпросить у крёстной
Верной матушки моей,
Как спасла меня в час грозный.
Доверять ты можешь ей, —
Отвечает Пётр. — Недаром
Отличал её». Зовёт
Повариху к государю,
Та немедленно идёт.
Всё поведала, что было:
Как царевича спасла,
Чем Каина погубила
Матушку его со зла
И царя приворожила,
Как сама у кузнеца
Царское дитя крестила...
Рассказала до конца.
«Повариха, ты отныне,
Стало быть, моя кума.
Жалую тебя княгиней!» —
Царь, от счастья без ума,
Приказал. Он рад безмерно!
И народ возликовал:
Лучшего исхода, верно,
И никто б не пожелал.

Позади печали–беды.
Во дворце царь–государь
Речь заводит на обеде:
«Сын, послушай, я уж стар,
Править больше нету силы:
И устал, и изнемог.
Принимай престол, мой милый,
Да поможет тебе Бог!
Ты хозяйство знаешь лично,

Полюбил тебя народ.
Знаю, справишься отлично,
Дело в гору вновь пойдёт.
Я же воспитанье внуков
На себя теперь возьму,
Стану их учить наукам».
Пётр сказал: «Быть по сему!
На Крещенье Катерине,

Даст Господь, и выйдет срок,
И родит она мне сына,
Будет у тебя внучок».
Поддержали и бояре
В том решении царя
И назвали государем
Все царевича Петра.

В государстве православном,
В стольном городе державном
Все колокола звонят,
Торжества идут три дня.
Во соборе во старинном
Свет-Петра с Екатериной
Всем народом величали
И на царство их венчали.
В этом храме наконец
Старый государь-вдовец
Сам с княгиней-кумой
Обвенчался в день второй.
Пусть она немолода,
Но невеста хоть куда:
Не толста и не худа,
Краснощёка, белолица.
Ни к чему ей быть вдовицей.
Не случайно говорится
Так в народе: в сорок пять
Баба ягодка опять.
В третий день Иван-кузнец
Вёл Настасью под венец.
Веселились, пили, ели...
Торжества все отшумели,
Как боярин он старшой
Брату правою рукой
Снова стал. Царь Пётр за дело
Взялся в государстве смело,

И

Основательно и споро.
И пошло хозяйство в гору,
А царю в казну доход.
Оживился вновь народ,
В сёлах-городах порядок,
В каждом доме есть достаток,
Он крепчает каждый год,
И торговый оборот
Увеличился недаром:
За товаром и с товаром
Из далёких стран земли
Зачастили корабли.
Государь промеж забот
В кузнице своей куёт,
К удивленью заграницы,
Драгоценные вещицы,
Снаряженье всех родов
Для заводов и судов.
Мощный государев флот
У морских стоит ворот,
Войско стережёт границы...
Родила царю царица
Трёх здоровеньких царят,
Старому царю внучат.
И хотя они шалят,
Дед возиться с ними любит,
И балует, и голубит,
Книжки им с женой читает,

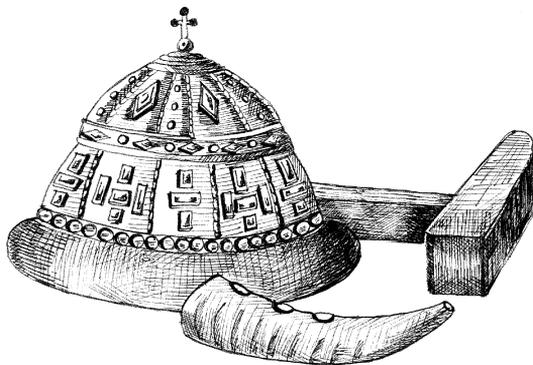
На спине своей катает
Двух царевичей с Алёнкой,
Их малюточкой–сестрёнкой.
Во дворце любовь и счастье,

И в любых делах согласие,
Уваженье и совет
С той поры уж много лет.

В этом царстве православном,
В стольном городе державном
Побывала я в гостях,
Танцевала на балах,
На пирах там угощалась,
На судах с царём каталась,
В окруженье статских дам
Прогулялась по садам,
Свечки с маленькой царевной
Ставила в соборе древнем

И стихи в дворцовых залах
Царским детушкам читала.
Тихим вечером в беседе
Добрый старый царь поведал
Жизни всей своей рассказ.
Записала я для вас
Эту сказку слово в слово
И поклясться в том готова,
Но была я в той стране
Только лишь в счастливом сне.

ПРОПАВШИЙ ЖЕНИХ

Пасхальная сказка

В старину в одном селенье
Красна девица жила —
И собой на загляденье,
И радива, и мила.
По селу идёт Анфиса,
Молодцы дивятся все:
Сапожки на ней из плиса,
Ленты алые в косе,
Сарафан расшит узором,
Кружева на рукавах,
И глядит она с задором,
И улыбка на устах.
Мать с отцом души не чают —
Дочка словно маков цвет,
Вяжет, ткёт и вышивает,
От сватов отбоя нет.
Под венец она не рвётся
И согласия не даёт,
Только сердце сладко бьётся,
Как Анфим к окну придёт.
Этот молодец пригожий
Приглянулся с детства ей.
И охотник он хороший,
И в работе всех ловчей.
Он посватался к Анфисе
И с надеждой ждёт ответ,
От неё теперь зависит,
Будет счастлив или нет.
Соглашается девица,
Рад сватам её отец.
Положили пожениться
После жатвы. Наконец

Срок венчания уж близко.
Чтоб богаче вышел стол,
За дичиной для Анфисы
На день в лес Анфим пошёл.
Попрощалась с ним невеста:
«Свет мой, доброго пути!»
А сама не может места
От предчувствий злых найти.
Так и есть. Три дня проходит,
Но Анфима нет и нет.
По лесам Анфиса бродит,
Отыскать не может след.
И аукает, и плачет,
Громко милого зовёт.
И чем долее, тем паче
Грусть-печаль её берёт.
Но живой он, сердце чует,
Молит Бога в небесах.
Год, другой она тоскует,
Вянет девичья краса.
К ней сваты вновь поначалу
Зачастили, но она
Женихам всем отказала,
Слову прежнему верна.
«Где ты, где ты, друг мой
милый,
Красно солнышко моё,
Сокол ясный сизокрылый? —
Грустно девица поёт. —
Пташки, вы не щебечите,
Не тревожьте сердце мне,
Вы, подружки, не зовите

Облачком сияет свет
На обочине дороги.
Это иннок был святой...
Постояла там немного
И отправилась домой.

В думы долгие девицу
Чернеца совет поверг,
Строго пост блюла Анфиса
И потом в Страстной Четверг
Тайн Христовых
причастилась,
Помолилась, павши ниц,
В баньке с матушкой
помылась
И накарсила яиц,
Испекла кулич пасхальный,
Собираясь в лес глухой,
И святой воды кристальной
Не забыла взять с собой.
Страшно ей в еловой чаще,
Небо всё темней, темней.
Вдруг неяркий свет манящий
Замаячил перед ней.
Ёлки малость поредели,
К хижине она пришла.
Ставни заперты, а двери
Так нигде и не нашла.
Там Анфиса слышит вроде
Тихий голос жениха,
Вкруг избушки бродит,
бродит —
Не попасть ей внутрь никак.
Месяц спрятался. Девицу
Обуял внезапно страх,
Принялась она молиться
Со слезами на глазах:

«Боже, грешных, нас
помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»
Отворились ставни с треском,
И она, прильнув к стеклу,
Видит: много малых бесов
Лихо пляшут. А в углу,
Приглядевшись, увидала:
Зачарованный Анфим
С видом грустным и усталым
На гудке играет им.
Бесенята, строя рожи,
Скачут дико и визжат,
Бьют копытцами, и рожки
На макушках их торчат.
Принялась Анфиса громко
«Да воскреснет Бог...» читать.
Вдруг раздался сильный
грохот,
Обернулась дева. Глядь —
Дверь избушки отворилась.
Безобразно перед ней
На полу закопошилось
Много-много мелких змей.
Девица, их гадкий ворох
Окропив святой водой,
Внутрь вошла и видит:
хворост
В хижине лежит пустой,
Нет нигде её Анфима.
Побросала хворост в печь

И, усталостью томима,
Ночевать решила лечь.
С тихой радостью вздохнула,
Ведь жених и вправду жив,
И с молитвою уснула,
Очи ясные смежив.

Рассвело. Она умыла
Личико святой водой,
Хижину всю окропила
И пошла лесной тропой.
В церкви по пути девица,
Помолилась всей душой,
Приложилась к Плащанице
И вернулась домой.

День прошёл. К закату солнце
Покатилось чередой.
Дева глянула в оконце:
Ей пора уж в лес глухой.
Со своей роднёй простилась,
Налила воды святой,
В дальний путь она пустилась
И топор взяла с собой.
Ей не так уж страшно в чаще,
Небо всё темней, темней.
Издали вдруг свет манящий
Замаячил перед ней.
Ёлки снова поредели,
К хижине она пришла.
Ставни отперты, а двери,
Как и прежде, не нашла.
Сквозь стекло вновь
поглядела:
Старых бесов хоровод
Вкруг Анфима, то и дело
Злобно рыкая, идёт.

Приказать, что хочешь, могут
Все ему. С гудком в руках
Пляшет он под дикий гогот
Барыню и трепака.
Расплясались бесы рьяно,
Чуть не стоя на рогах.
Морды до чего поганы! —
Не опишешь их в словах.
Месяц спрятался. Девицу
Обуял внезапно страх,
Принялась она молиться
Со слезами на глазах:
«Боже, грешных, нас помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»
Вдруг раздался сильный
стукот —
Это отворилась дверь.
Девица топор хватя в руку! —
И туда бежит. Теперь
Видит: прямо у порога
Ядовитых толстых змей
Закишело много-много.
И святой водой скорей
Окропила их с моленьем,
Осенила их крестом,
Смотрит: на полу поленья
В хижине лежат пустой.
Их в поленницу сложила,
Расколочила топором,
Печку жарко истопила,
Щепки убрала кругом,

От усталости зевнула,
Дверь плотнее затворив,
И с молитвою уснула,
Очи ясные смежив.

Рассвело. Она умыла
Личико святой водой,
Хижину всю окропила
И пошла к себе домой.
Накануне Светлой Пасхи
День субботы был Страстной.
Освятила в церкви Спасской
Яйца и куличик свой
И с сердечною молитвой
Свечи ставит на канон,
Словно воин перед битвой,
За того, кто был пленён.

День прошёл. К закату солнце
Покатилось чередой.
Дева глянула в оконце:
Ей пора уж в лес глухой.
Со своей роднёй простилась,
Налила воды святой,
В дальний путь она пустилась,
Кошку позвала с собой:
«Киса, кисонька, кошурка,
Мне сегодня послужи».
Поняла как будто Мурка
И вперёд неё бежит.
Девушка несёт лукошко
С яйцами и куличом,
В чаще ей не страшно
с кошкой,
К хижине пришли вдвоём.
Ставни настезь все открыты,
Вот и дверь, но заперта
И замки от взора скрыты,
Не войти никак туда.

Слышится похабный гогот.
И в окошко сквозь стекло
Глянула Анфиса: много
Баб-бесовок внутрь нашло.
До чего они бесстыжи
В неприкрытой наготе!
Так глаза огнём и брызжут,
Словно угли в темноте.
Вертятся вокруг Анфима,
Он с гармошкою стоит
И, как истукан, всех мимо
Зачарованно глядит.
Думает Анфиса: «Милый,
Сколько ты изведаль мук,
Как измотан вражьей силой
Неизвестно почему!»
Две бесовки на гармошке
Поиграть ему велят,
На него наводят рожки,
Источая гадкий смрад.
И от вони той девицу
Обуял внезапно страх,
Принялась она молиться
Со слезами на глазах:
«Боже, грешных, нас помилуй,
И погибель отведи,
И креста великой силой
От лукавых огради.
Ниспошлите помощь в горе
Нам, святой Пантелеймон,
И Никола Чудотворец,
И Никита Бесогон!»
Вылетела дверь со свистом,
На траву упала вниз.
Смотрит девица: там крысы —
И зовёт: «Кис-кис, кис-кис!»
Зыркают глазами злыми
Крысы и хотят бежать,
Мурка храбрая за ними —

Им пощады не видать!
Тварей всех переловила
И к порогу принесла,
В три ряда в траве сложила
И брезгливо отошла.
Умываясь, увидела
Крысу рыжую в кустах,
Два прыжка — и растерзала
У Анфисы на глазах.
Благодарна та кошурке,
Что её не подвела.
Ласково погладив Мурку,
Дева в хижину вошла.
В жёлтом лунном свете ровном
На полу лежит Анфим,
Сном тяжёлым зачарован,
Очень бледен, недвижим.
Девушка над ним склонилась,
Окропила раз водой,
Вмиг румянцем засветился
Жениха лик молодой.
Три разá перекрестила
Суженого, ещё раз
Лик водою окропила.
Он, не открывая глаз,
Приподнялся. Вновь невеста
Милого кропит водой,
И, очнувшись, встал он

с места,

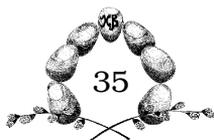
Спрашивает, сам не свой:
«Это ты, моя зазноба?
Где, Анфиса, мы с тобой?
Не пойму, что за хвороба
Приключилась со мной?»
А она поцеловала
Нежно милого в уста
И ему порассказала,
Где он был, в каких местах,
Как она его искала

И от нечисти спасла.
Удивился он нimalo,
Что побыл во власти зла,
Вспоминать стал понемногу,
Как, охотясь за лисой,
Сбился с правильной дороги,
В роще заблудясь густой,
Как коварная лисица,
Что мелькала меж ветвей,
Обернулась вдруг девицей
С рожками между ушей,
На него впотьмах взглянула,
Насылая тяжкий сон,
Взором огненным

сверкнула...

Дальше не припомнил он.
«А за что к нечистой силе
Ты, мой свет, попал в полон?» —
Дева жениха спросила.
Отвечает грустно он:
«За лисой когда я гнался,
Всё стрелял, не попадал,
И отчаянно ругался,
И лукавых поминал.
Всей душой о том жалею.
Господи, прости мне грех,
Милости просить не смею —
Я на свете хуже всех!» —
На колени опустился,
Низкий положил поклон,
Широко перекрестился...
И услышал дивный звон.
Он готов был побожиться,
Что нисходит звон с небес.
Молвит жениху девица:
«Милый мой, Христос
Воскрес!»

Отзывается невесте
Он: «Воистину Воскрес!»

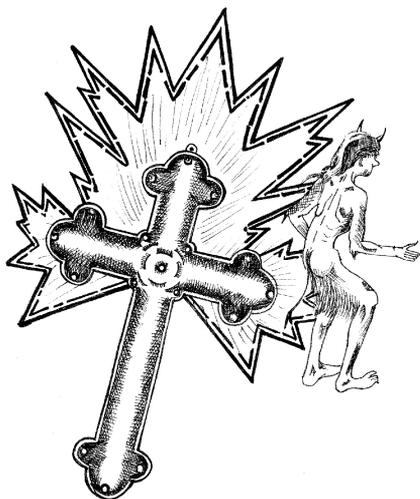

Нынче небо благовестит!
Это чудо из чудес!»
Разговорелись и в обнимку
Из избышки вышли прочь.
В розовой нежной дымке
Постепенно тает ночь.
У порога крыс уж нету —
Все исчезли до одной,
Расцветает на рассвете
По фиалке голубой
Вместо каждой. К дому
ближе —
Вот какие чудеса! —
Вытянув хвост длинный
рыжий,
Мёртвая лежит лиса.
Как бы им не искуиться...
«Нечисть, сгинь!» — Анфим
сказал,

Осенив крестом. Лисица
Вдруг пропала на глазах.
И, пустое взяв лукошко,
С милой он пошёл домой,
И за ними Мурка-кошка,
Важно хвост подняв трубой.
Оглянулись на избышку,
А её в помине нет.

Только вышли на опушку,
Повстречался им чернец.
Старца лик красив и светел,
Как у малого дитя.
«Вас благословляю, дети!» —
Троеперстием крестя,
Молвил тихо добрый старец.
Тут Анфиса и Анфим
На колени рядом встали,
Головы склонив пред ним.
Поблагодарить хотели,
Поднялись с колен, а нет
Чернеца, лишь только белым
Облачком сияет свет
На обочине дороги.
Это инок был святой...
Постояли там немного
И отправились домой.

Свадебку на Красну горку
Праздновало всё село,
Молодым кричали: «Горько!» —
Чтобы сладко им жилось.
И, не ведая печали,
В единении сердец
Жить Анфим с Анфисой стали.
Тут и сказочке конец!

Словарь

Барыня — русский народный танец.

Басурман — человек не православной веры, иноверец.

Батист — тонкая и мягкая хлопчатобумажная ткань.

Брашно — кушанье, блюдо за столом, угощение.

Вороной, враной (о лошади) — чёрной масти, чёрного окраса (как ворон).

Вражина — враг.

Грош — здесь: мелкая монета; в разное время в разных странах грош был монетой как малого, так и большого достоинства, серебряной, медной, из сплава серебра и меди, в конце XVIII века грош приравнялся в России к двум копейкам, в XIX веке практически вышел из употребления.

Гудок — древнерусский смычковый трёхструнный инструмент, имеет деревянный выдолбленный кузов овальной или грушевидной формы и плоскую деку с отверстиями. «**Да воскреснет Бог...**» — христианская молитва Кресту Господню о защите от нечистой силы.

Детина — рослый и сильный молодой мужчина.

Дрожки — легкий открытый рессорный экипаж на 1–2 человека.

Допрежь — прежде, до.

Захолустный — расположенный в глуши.

Зреть — видеть.

Зыркать — бросать взгляд, искать взглядом.

Истукан — статуя, скульптурное изображение языческого божества, в переносном смысле — бесчувственный человек, равнодушный к окружающему.

Исчадьё — порождение.

Иуда (нарицательное) — предатель, подлец (по имени апостола Иуды, предавшего Христа).

Кадушка — кадка, небольшая бочка, деревянная ёмкость для заготовки впрок солений, квашений, мочений, либо для воды в бане, кадушки изготавливались из досочек, стянутых обручами.

Каламбур — игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначущих слов или словосочетаний.

Канон — молитвы, песнопения, церковное установление, совокупность норм и правил; ставить свечи на канон означает ставить на подсвечник у образа (обычно праздничного, поставленного на аналой), либо у креста (при поминании об упокоении), перед которым совершается канон.

Крамола — измена, лукавые замыслы, возмущение, мятеж, смута, восстание.

Красная горка — народный весенний праздник, который проводят в следующее воскресенье после Пасхи; по поверью, справлять свадьбу в этот праздник особенно благоприятно.

Кручина — тоска, печаль.

Кум, кума — крёстный отец (крёстная мать) сына или дочери, а также отец (мать) крестника (крестницы).

Лик — лицо.

Лицедей — актёр.

Лукавый — бес, нечистый.

Матёрый — взрослый, опытный.

Меды — алкогольные напитки разной крепости, основным сырьем для которых является мёд; на Руси меды были слабоалкогольными.

Мощи — нетленные останки святых, сохраняющие дарованную им благодать.

Нелюдь — подобный зверю, злодей, лишённый каких-либо добрых человеческих качеств.

Непраздна (о женщине) — беременна.

Никита Бесогон — великомученик Никита, святой, живший в Римской империи в IV веке и сожжённый на костре за исповедание христианства; ему молятся об изгнании бесов и освобождении от бесовских прельщений.

Никола Чудотворец — святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских (на территории современной Турции); почитается как чудотворец; ему молятся во многих нуждах, в том числе об изгнании бесов.

Оконница — оконный переплет в виде металлической решетки со слюдяным или стеклянным заполнением.

Орнамент — узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов.

Пантелеймон — святой великомученик и целитель Пантелеимон, живший в Малой Азии, казнённый в начале IV века за исповедание христианства; ему молятся об исцелении и от недугов, в том числе душевных.

Паче — сильнее, больше.

Паёц — шут.

Пень стоеросый — глупец, тупица.

Плащаница — полотно, простыня, погребальная пелена, а также церковная пелена с изображением погребения Иисуса Христа после распятия, по богослужебному чину выносятся на поклонение в Страстную Пятницу и вносятся обратно в алтарь вечером Страстной Субботы; в обязательную церковную утварь входит также плащаница с изображением Успения Пресвятой Богородицы, выносимая из алтаря для поклонения на этот праздник.

Плис — хлопчатобумажная ткань с ворсом («бумажный» бархат), получившая распространение с XVII века, из плиса шили недорогую верхнюю одежду и сапоги.

Под мухой — выпивши, под хмельком.

Подблюдное гаданье — один из самых ярких видов святочных гаданий, основанный на принципе вытаскивания жребия-предмета из блюда.

Покамест — пока, до настоящего времени.

Полати — широкие нарты для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

Почивальня — спальня.

Почивать — спать, отдыхать.

Почить — умереть, в другом значении — уснуть.

Радивый — усердный, старательный, трудолюбивый.

Разговеться — поест непостной пищи впервые после поста.

Рига — большой сарай для сушки снопов и обмолота.

Сбруя — набор предметов, предназначенных для запряжки и седлания лошади.

Святки — праздничные дни от Рождества Христова до Крещения Господня.

Сморчок — вид грибов с пористой сморщенной шляпкой.

Статская дама — первостепенный женский придворный чин.

Страстная седмица — неделя перед Пасхой, когда на богослужениях в храмах вспоминают смертные мучения (страсти) Иисуса Христа.

Суженый — жених.

Тать — вор, разбойник, преступник.

Трепак — русский народный танец с дробным притоптыванием.

Троеперстие — сложение пальцев правой руки, когда мизинец и безымянный пальцы поджаты, а три остальных соединены; используется для крестного знамения верующими Русской Православной Церкви с середины XVII века.

Трындычича — болтушка, любительница потрындеть.

Тюфяк — матрац, набитый соломой, мочалом, шерстью, обычно простеганный и предназначенный для постели.

Узреть — увидеть.

Ушлый — смыслённый, ловкий, опытный.

Фазан — крупная птица из отряда куриных с ярким оперением.

Хандра — тоска, уныние, скука.

Хворост — сухие опавшие сучья или ветки.

Чепрак — мягкая подстилка под седло, часть сбруи.

Чернец — монах, инок.

Чертоги — дворец, богатый дом, палаты.

Чечётка — танец, основанный на чётком отбивании ритма стопами.

Шафер — лицо, состоящее при женихе или невесте в свадебной церемонии.

Эшафот — возвышение, помост для казни.

Ярка — молодая овечка, ещё не приносившая ягнтя.

Яства — кушанья, блюда.

Автор

Елена Николаевна Егорова, член Союза писателей и Союза журналистов России, выпустила в свет 25 изданий для детей и взрослых. Награждена орденом «За веру, усердие и труд» 2-й степени, Патриаршей грамотой, медалью «Голицынские чтения», Пушкинским знаком ГИЛМЗ А.С. Пушкина «За заслуги перед музеем». В последние годы пишет книги для подрастающего поколения, издавая их с иллюстрациями юных художников. Её перу принадлежат брошюры стихов для дошкольников «Котик и стрекоза», «Верочка и белочка», «Счастливые песенки», книги рассказов

«Благородный Тузик» и «Детство Александра Пушкина», книга стихов и очерков «Волшебные места, где я живу душой...». Пушкинские сады и парки».

Художник

Анастасия Владимировна Шухова родилась в 1997 г., с шести лет успешно учится в Краснопресненской ДХШ г. Москвы. Имея незаурядное дарование художника, Настя отличается большим трудолюбием. Она продолжает творческие традиции своего прапрадеда В.Г. Шухова, известного русского инженера. Несмотря на юный возраст, Настя имеет немалый опыт иллюстрирования детских книг, являясь победительницей всех конкурсов проекта «Дети детям от души» в 2008–2011 гг. и имея более 150 опубликованных рисунков в семи изданиях. «Сказки няни Пушкина» — вторая полностью оформленная ею книга.

сунков в семи изданиях. «Сказки няни Пушкина» — вторая полностью оформленная ею книга.

Содержание

Святочные сказки Арины Родионовны	3
Сказка о Петре-царевиче	7
Пропавший жених	31
Словарь	37

Елена Николаевна Егорова Сказки няни Пушкина

Технические редакторы: В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова.

Корректор: О.С. Бахтиярова

Художник: А.В. Шухова

Иллюстрации на обложке: 1. «Сказка о Петре-царевиче»; 2. Святочная сказка о потерявшемся сыне; 3. Святочная сказка о проклятой невесте; 4. «Пропавший жених».

Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова

Московской областной организации Союза писателей России

12106, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр. 1.

<http://www.lito-ugresha.narod.ru>; lito_ugresha@mail.ru

**Государственный историко-литературный
музей-заповедник А.С. Пушкина**

143050, Московская обл., Одинцовский р-н,

пос. Большие Вязёмы. Тел. (495) 598-24-04

<http://www.museum-gol.ru>, museum-gol@yandex.ru

**Государственный литературно-мемориальный и природный
музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»**

607940, Нижегородская обл., Большеболдинский р-н,

с. Большое Болдино, ул. Пушкинская, 144. Тел. (83138) 22-759.

<http://www.boldinomuzey.ru>, muzey.asp@mail.ru

ДМУП «Информационный центр»

140093, Московская обл., г. Дзержинский,

ул. Томилинская, 14а. Тел. (495) 551-22-32, (495) 550-20-74.

Сдано в набор 18.12.2011.

Подписано в печать 15.01.2012.

Формат 70x100/16. Гарнитура «Bookman». Печ. л. 2,5.

Тираж 2500 экз.

ISBN 978-5-900999-71-5

9 785900 1999715

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Заказ №